THE GILLETTE MARRIAGE

FERDINANDO FREGA

СУПРУЖЕСТВО GILLETTE

THE FAMILY · 16

Супружество

Когда он шёл, в нём, хоть он и был мужчиной, всё ещё угадывались изящество и выправка армейского офицера, которым он когда-то был, а ещё воспитание, полученное в интернате, где царило одно правило: говорить мало и слушать всё.

Ему было двадцать семь в том октябре 1962 года, когда он увидел, как она входит в табачную лавку, где он в тот момент работал, и был сразу покорён.

Высокая, эффектная, с безошибочно южной внешностью и тем лукавым взглядом, каким умеют смотреть только женщины. Но ей было всего шестнадцать лет. Её звали Джованна, но для всех в семье она всегда была Джанной.

Он тут же расспросил о ней клиента: кто она, из какой семьи, откуда родом. На её возраст он почти не обратил внимания. В те годы такой брак благословлялся трижды: семьями, Церковью и обществом. Его выдавали за способ пристроить дочерей, но на деле пристраивали только сыновей.

Её отец работал на железной дороге. Мать владела в городе уважаемым ателье, где трудились швеи и шилась одежда для видных семей, которые требовали мастерства высокого уровня и щедро за него платили.

У Джанны была ещё одна сестра, Франческа, почти на два года старше. Уравновешенная и спокойная — это качество она

сохранила и сегодня.

Когда картина сложилась, мой отец попросил клиента представить его этой семье. Он хотел взять мою мать в жёны. Он хотел на ней жениться. Он хотел её.

И вот в апреле 1963 года они поженились.

Всякий раз, когда он расхваливал тёще достоинства своей жены, та улыбалась и говорила, что это неправда, потому что Джанна — хорошая актриса, которая никогда не спрашивает разрешения. Она просто брала всё, что хотела.

Отцу понадобилось меньше трёх месяцев, чтобы понять: он никогда не сможет ни переделать эту девушку, ни вылепить из неё то, что себе представлял. Она просто была женщиной, которая ясно знала, чего хочет, и, не теряя времени, дала понять это и ему.

Однажды он дал ей пощёчину. В те времена такое поведение признавалось правом мужчины в семье.

Но она не потеряла самообладания.

Она вышла из дома и отправилась в ножевую лавку, где купила тесак для мяса и мясницкий нож.

Она вернулась домой, посмотрела на отца и сказала:

«Если ещё раз попробуешь, я приду ночью и убью тебя».

В её голосе не было ни надрыва, ни колебаний. Только уверенность.

Уверенность в том, что она это сделает.

Пятнадцать дней он спал дома, запершись в отдельной комнате, и вышел оттуда, только когда убедился, что

опасность миновала.

И этот случай так и остался единственным прецедентом.

Они переехали в Козенцу, в трёхстах километрах от Реджо-Калабрии.

Автострады тогда не было, и дорога занимала почти шесть часов — по провинциальным шоссе и сквозь бесконечные пробки в маленьких городках.

Два взгляда.

Меньше трёх минут.

Этого хватило, чтобы решить будущее — внутри любви, которой предстояло физически длиться шестьдесят два года, но остаться вечной в том, что они сделали, и в нас, их детях.

Козенца — 1963

Они сняли жильё на Корсо Италия, в центральном районе города, где хватало и магазинов, и общественного транспорта. Но когда медовый месяц закончился, возвращение к обычной жизни оказалось этапом, которого никто из них ещё не знал.

Каждый понедельник отец выезжал из дома в два часа ночи, чтобы в восемь утра встретить первого клиента у дверей магазина. Он проезжал триста километров, а потом всю неделю, день за днём, работал всё ближе и ближе к дому, пока в пятницу вечером снова не возвращался в него.

Тем временем моей матери посчастливилось познакомиться с Норой Формизано, которая жила прямо напротив, и они подружились.

Нора была ровесницей её собственной матери и стала для неё словно матерью.

Она происходила из знатной неаполитанской семьи и была замужем за высокопоставленным чиновником Министерства внутренних дел, служившим в тех краях. А ещё у неё было трое детей, лишь немного младше моей матери.

Именно ей мать однажды утром призналась, что у неё странная задержка месячных. Цикл у неё всегда был регулярным.

Выслушав её — мать не понимала, почему ей постоянно хочется помочиться, — Нора обняла её и сказала:

«Доченька, ты беременна».

Когда отец вернулся домой, она решила ничего не говорить.

Ей хотелось увидеть его реакцию, но сказать она собиралась только на Пасху.

Так она и сделала.

Она протянула ему пасхальное яйцо и сказала:

«Я беременна. Нам надо переехать в Реджо-Калабрию. Я не хочу, чтобы мой ребёнок родился здесь. Я хочу, чтобы рядом была моя семья».

С переводом всё было не так просто.

Для него требовалось одобрение компании по служебным основаниям, и осуществить его можно было только после этого.

Отец думал, что сможет выиграть время.

Но в декабре 1963 года мать села в автобус и одна уехала в родительский дом, где 11 января 1964 года родила Терезу.

Когда родилась Тереза и новость разошлась по семье, родственники неделями тянули, прежде чем прийти её навестить.

Это задело её женскую гордость и заставило принять решение о будущем.

Её отношения со свекровью и золовкой так никогда и не стали прежними.

Гнев остался — сдержанный, затаённый в её глазах.

Тем временем заявление о переводе шло своим чередом, а в мае 1964 года отец получил свой второй пасхальный подарок.

Мать ждала ещё одного ребёнка.

Реджо-Калабрия — 1964

В сентябре 1964 года перевод от компании наконец утвердили, и они переехали в Реджо-Калабрию.

Но идиллических отношений с матерью, на которые она рассчитывала, так и не сложилось. Мать была властной и никому не уступала ни своей власти, ни своего авторитета. Единственным, кто её баловал и во всём ей потакал, был отец, и всё, что она сделала потом, зависело от него.

Было 21 февраля 1965 года.

Футбольное поле.

«Реджина» против «Козенцы».

Отец и дядя сидели на трибуне, когда диктор объявил, что некоего Винченцо Фрегу просят подойти ко входу: для него срочное сообщение.

Он решил, что это шутка, и остался на месте.

Потом прозвучало второе объявление:

«Винченцо, мы не можем остановить матч, и роды вашей жены тоже остановить не можем. Не будете ли вы так любезны пойти домой? У вас рождается сын».

Все засмеялись.

Смутившись, он сделал вид, что речь не о нём.

Я появился на свет с отцовским благословением.

«Тебе хотелось сына — вот он и появился. Но этот станет крестом всей твоей жизни».

Всем сразу же сообщили, и они явились, словно волхвы.

Рождение сына считалось событием, которое гарантировало продолжение фамилии, но никто ни разу не задумался о том, что мужчина без женщины неполон.

Следующие шестьдесят два года мне предстояло это объяснять.

В конце концов, лучше Крест, чем серп и молот.

Мне этого хватило, чтобы понять моего коллегу двухтысячелетней давности и узнать, как там, наверху, всё может быть устроено.

Реджо-Калабрия — 1965

Джанне всего девятнадцать лет.

У неё двое детей, муж, который работает на Gillette, и ни малейшего желания становиться домохозяйкой.

Правила в доме уже установлены.

Зарплата и все льготы от компании проходят через её руки.

Отец живёт на возмещение расходов от Gillette, потому что он всё время работает и никогда не сидит без дела, почёсывая яйца.

Она начинает следить за валютными рынками, потому что каждый месяц отец побеждает в конкурсе продаж по всей Италии, а штаб-квартира в Милане присылает в качестве призов золотые соверены.

Потом директор по продажам присылает домой полный спальный гарнитур.

Натуральный бук.

Встроенные кровати.

Матрасы.

Подушки.

Пледы и пуховые одеяла.

Летние простыни и зимние простыни.

Всё выполнено в неповторимом стиле, от которого люди теряют дар речи всякий раз, когда об этом рассказывают.

Но ей страшно.

Она не видит стабильности.

И кто бы стал её винить?

В пятницу вечером, едва отец переступает порог, она говорит:

«У меня двое детей. Я хочу новую машину».

«Но у тебя нет прав. Как ты будешь на ней ездить?»

«Завтра ты купишь мне новую машину. Я хочу Simca 1000. Пятидверную».

Удержать её не мог никто.

Если бы кто-нибудь попытался, жизнь превратилась бы в сущий ад.

Лучшим решением было на следующий день пойти к дилеру, выписать чек на один миллион восемьсот тысяч лир, оформить страховку и вручить ей ключи.

Это решение оказалось верным.

Через двенадцать дней у неё были права.

Никто так и не узнал, как ей это удалось.

Между тем её отцу принадлежали все помещения, которые занимало ателье её матери.

У него была слабость к любимой дочери.

Хватило нескольких минут.

«Пап, освободи мне место в мамином ателье. Через полгода я открою магазин пряжи и галантереи».

Они договорились.

Несколькими ходами дед переселил жену в отдельное помещение и отдал дочери два самостоятельных торговых помещения с витринами.

Она пришла домой и сказала отцу, что ей нужны три миллиона лир.

И что он должен попросить эти деньги у своих родителей под предлогом, будто они хотят купить дом.

Отец подыграл.

Деньги пришли.

А вместе с ними и вывеска над магазином:

LANA BBB DI GENNY

Но ей нужна была ещё и муниципальная лицензия на торговлю, а её у неё не было.

В конце 1960-х бюрократия не отличалась особой расторопностью.

Это был туннель, который жил внутри политики и шёл сквозь политику.

В тот понедельник утром она попросила отца взять выходной и остаться дома с нами.

Потом ушла.

Как ветер, что дует над пустыней.

Чувствуешь, как он движется, но понятия не имеешь, откуда, чёрт возьми, он взялся.

Она пошла в мэрию.

Там ей попался служащий, который, услышав, что она просит лицензию, чуть не рассмеялся ей в лицо.

Не успел никто опомниться, как она схватила его за лацканы пиджака и наполовину вытащила через окошко, а пятеро человек уже пытались её от него оттащить.

В это время мимо случайно проходил мэр.

Его звали Пьетро Батталья.

Впоследствии он несколько созывов был депутатом итальянского парламента.

Он понаблюдал за этой сценой, взял мою мать под руку и пригласил к себе в кабинет.

Через десять минут она вышла оттуда с торговой лицензией по Таблице XV.

Для ясности: это был тот тип лицензии, который в Италии требовался, чтобы открыть гипермаркет, — высшая категория, которую без политических связей обычно было невозможно получить.

Дело пошло в гору.

Торговые представители выстраивались у дверей в очередь.

Один коллега в конце концов сказал отцу:

«Знаешь, в Реджо-Калабрии есть одна хозяйка магазина, которая не даёт спуску ни одному торговому представителю».

А отец ответил:

«Да, знаю. Мне про неё многие рассказывали».

Но так и не сказал, что это его жена.

Магазин зажил собственной жизнью.

Люди съезжались туда за покупками со всех концов города.

Женщина, которая хватала мужчин за лацканы и припечатывала к стене.

Чиновники это были или люди мафии — особой разницы не было.

Её имя гремело по всему городу.

Жена ЧЕЛОВЕКА GILLETTE.

Контроль

Однажды утром водитель грузовика неосторожно сманеврировал на одном из городских бульваров.

Грузовик зацепил дверь маминой машины и оторвал её.

Её гудок ничего не изменил.

Водитель так и не понял, что произошло, и продолжал ехать, а машина тем временем получала серьёзные повреждения.

Наконец он остановился и вылез на дорогу, крича, что эти чёртовы бабы не умеют водить.

Он громко заявил, что женщинам лучше сидеть дома и растить детей.

Потом, глядя прямо на мою мать, сидевшую за рулём, он осыпал её оскорблениями и угрозами на манер мафиози.

На заднем сиденье были моя сестра, четырёх лет, и я, трёх лет.

Она велела нам не двигаться.

Что она сейчас вернётся.

Мы так и не узнали, что именно произошло снаружи.

Знаем только, что в итоге мафиози стоял перед моей матерью на коленях, целовал ей руку и просил прощения.

В последующие дни покупателей в магазине стало необычайно много.

Народу приходило столько, что отец в конце концов спросил, правильные ли она делает наценки или просто раздаёт товар даром.

Не успел он дома даже сесть, как она сказала:

«Завтра сходи в салон Fiat и купи мне белый FIAT 124 Special, двигатель 1400, четыре двери».

«Но, Джанна, — ответил отец, — ты знаешь, сколько она стоит?»

«Три миллиона шестьсот пятьдесят тысяч лир. Заплатишь сейчас ты. Когда придут деньги по страховке за Simca, которую уже не починить, я тебе их верну».

Этого хватило.

Не прошло и двенадцати часов, как новенькая машина уже стояла у дома.

Прозвучал лишь один комментарий:

«Мне говорят, что в Калабрии на такой машине ездят на ограбления, потому что она быстрая и послушная. Зачем она тебе?»

Она серьёзно посмотрела на него и ответила:

«Увидишь».

И когда он утром уезжал на работу, она всегда спрашивала:

«Куда ты сегодня? Где будешь обедать?»

Он отвечал, что, может быть, будет за сто двадцать километров.

И мы втроём неожиданно появлялись там.

Он думал, что это любовь.

А она просто присматривала за своими активами.

Потом, не желая терять привычку, она попыталась перенести ту же систему контроля на меня.

Так никто из нас и не победил.

Ни она.

Ни я.

Она считала, что контроль держится на лишениях и на побоях.

Первое на меня почти не действовало, потому что я сразу переключал свои потребности на что-то другое, и это сводило её с ума.

Второго я просто не чувствовал.

Я не реагировал.

Я не плакал.

Я не ругался.

Я держал боль под контролем.

Годы спустя этот же контроль помог мне преодолеть другие трудности.

Она всегда считала, что мы с ней одинаковые.

Но так и не смирилась с тем, что часть меня принадлежала отцу.

А он победил фактами.

И молча.

Поле

Звонок окружного менеджера в пятницу вечером, после того как недельные показатели продаж были сданы, заставил его задуматься: Его Величество, директор по продажам Gillette Italia Раффаэле Ди Туллио, проведёт с ним три дня в поле, а встреча назначена на понедельник, на 7:30 утра, в отеле «Эксельсиор» в Реджо-Калабрии.

Маршрут недели включал визиты к клиентам по всему городу и несколько поездок в окрестные пригороды. Поскольку была уже середина июля и все знали, какая жара может стоять в этих краях, мать положила ему в сумку вторую рубашку и сказала, что перед обедом неплохо бы освежиться и переодеться.

На встречу он явился при полном параде: безупречный синий костюм, голубая рубашка, галстук и всё то уважение, которое полагалось человеку, когда-то принявшему его на работу.

День выдался невыносимо жаркий, и оба промокли от пота насквозь. Но во время визитов в центре каждого разговора были не цифры продаж. Речь шла о том, счастлив ли он, как ему живётся в семье и как он осваивается в компании.

На следующий день отец вышел на второй день полевого визита. То ли он неверно оценил ситуацию, то ли слишком

доверял своим цифрам, но он совершил ошибку. Он пришёл в том же костюме, который, хоть и высох, всё ещё хранил заметные следы вчерашнего пота.

Ди Туллио посмотрел на него долгую секунду, ничего не сказал, а потом пригласил посидеть в баре за чашкой кофе.

«Винченцо, — сказал он, — Gillette не продаёт лезвия. Gillette продаёт доверие. Мужчина каждое утро подносит лезвие к собственному горлу, только если доверяет тому, кто ему это лезвие продал. А доверие начинается с чистой рубашки».

Отец не ответил. Он понял.

В тот вечер он вернулся домой и сказал матери, что она была права. Опять.

Одну и ту же ошибку он никогда не совершал дважды.

На третий день Ди Туллио пожал ему руку перед отелем «Эксельсиор» и сказал: «Вы далеко пойдёте. Потому что умеете слушать».

Этот урок стал семейным кодексом.

Мать контролировала всё, что было видно. Лицензию, магазины, машины, деньги.

Отец контролировал всё, чего не было видно. Пример, молчание, выносливость, достоинство — являться безупречным, даже когда два дня подряд обливаешься кровавым потом.

Мне понадобилось шестьдесят лет, чтобы понять: вот что такое брак.

Один человек, который хватает служащего за лацканы, чтобы получить лицензию.

И другой, который переодевает рубашку в общественном туалете, чтобы его компании не было за него стыдно.

СУПРУЖЕСТВО GILLETTE

Брак — это не обещание. Это лезвие.

Если обращаешься с ним бережно, оно каждое утро, шестьдесят два года подряд, дарит тебе чистое бритьё.

Если обращаешься с ним небрежно, оно перерезает тебе горло.

Мои отец и мать так ни разу и не порезали друг друга.

Они просто учились, день за днём, держать лезвие вдвоём.

Ferdinando Frega
Gillette Man ⚔️